

Даниил Викторович Коряк родился в 1997 году в городе Сочи. Выпускник Московского государственного института международных отношений и Московского института стали и сплавов. После учебы работал в крупной металлургической компании. В настоящее время — сценарист, аспирант Московского педагогического государственного университета. Публиковался в ряде научных изданий.

Даниил Коряк

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Рассказ

Рано утром егерский уазик заехал в лес, как это бывало раз в год. На переднем пассажирском сиденье закряхтела рация: — Ильич, прием. На 36-м участке квадрокоптер заметил человека. Прием.

Будто очнувшись от тяжелого сна, Ильич ладонью провел по заросшему лицу и сжал рацию могучими пальцами.

— Я в 35-м. Дойду до туда пешком, чтобы не спугнуть. Прием!

— Так ты обычно с 5-го начинаешь обезд.

— День сегодня такой, Миша... Как разберусь, так свяжусь с тобой. Конец связи.

Ильич положил рацию на сиденье рядом со стальной флягой. Резко крутанув руль, он дал по газам — старый уазик издал злобный рык и покатил в другом направлении.

Спустя несколько минут рытвин и ухабов, егерь заглушил двигатель и с огорчением проговорил вслух:

— Это ж надо в такой день вытащить на работу. Попросил же как людей. Чертяка этот Егор!..

Выйдя из машины, Ильич потянулся и пару раз стукнул кулаками по затекшим ногам.

Вдруг неподалеку раздался выстрел, эхом прокатившийся по лесу. Где-то закричал испуганный ворон.

Ильич даже не дернулся. Он взял карабин, устало зашагал в сторону выстрела.

Пройдя около трехсот метров, егерь уже заметил со спины браконьера в балаклаве, одетого в костюм цвета хаки. Тот в перчатках методично и хладнокровно отделял мускусную железу у кабарги. Невдалеке, под кроной ближайшего дерева, скрывался квадроцикл с прицепом.

Доверившись первобытным инстинктам, Ильич мягко, как зверь на охоте, ступал по прошлогодней листве и исподлобья сверлил взглядом спину нарушителя.

Совсем бесшумно подойдя к браконьеру, стоявшему на коленях над тушкой животного, Ильич хладнокровно произнес:

— Медленно встаем. Руки за голову.

Браконьер мгновенно замер и не посмел дернуться.

— Если не бросишь нож на счет три, я прострелю тебе руку, — как то обыденно сказал Ильич. — Один... два...

Браконьер, не раздумывая, кинул охотничий нож в кусты.

— Молодец. Теперь медленно поднимаемся. Без резких движений.

Браконьер заблаговременно сложил руки за головой, кротко встал и повернулся лицом к егерю. Хлюпенькое телосложение и великоватый костюм браконьера сразу опустили его до уровня браконьеришки.

— Ой, а что это мы в маске? Стыдно? Хотя не надо, не снимай. Мерзкую харю твою и видеть не хочу. Никогда не привыкну, что у брата вашего не щемит сердце, даже когда животное краснокнижное.

Глаза в балаклаве посмотрели в сторону квадроцикла.

— Даже не думай. Усек?

Браконьер молча кивнул.

— Другой бы сказал, что тебя Бог накажет. А в этом лесу, если еще не знаешь, — свой лесной Бог, который карает и милует. Это я.

Даже после этих слов браконьер продолжал безмолвно внимать Ильичу, но коленки стали заметно подрагивать.

— По четным числам я браконьеров сдаю в ментовку, а по нечетным — стреляю и выкидываю на болотах.

Теперь с каждым новым егерским словом дыхание браконьера становилось все тяжелее, а взгляд — беспокойнее.

— В топях, кроме лягушек и тритонов, никто и не найдет. Сегодня у нас какое число?

Глаза в балаклаве хаотично забегали, но их обладатель все равно молчал, как заколдованный.

— Отвечай! — повторил Ильич. — Немой, что ли?

— Двадцать девятое, — с усилием выдал браконьер.

Егерь моментально прищурился. Голос показался ему подозрительно знакомым, но он тотчас отогнал эти нелепые мысли.

— Ишь как. Не повезло тебе, получается. Да в этом квадрате и камер нет. И кладбище недалеко.

Егерь уже вскинул карабин на плечо, чтобы прицелиться, как браконьер слезно выпалил:

— Ильич, не стреляй! Я это! Я! Дай лицо покажу. Не стреляй!

Удивленный и немного расстроенный Ильич слегка опустил карабин. Взглядом егерь дал понять, что не возражает.

Браконьер стянул с головы прилипшую к потному лицу балаклаву и принял прежнюю позу.

Ильич опустил винтовку еще ниже, но по-прежнему держал ее наготове.

— Егор, ты ж заболел сегодня. Что, полегчало — и сразу в лес? По таким делам?

Повеселевший тон егеря все равно не сулил Егору ничего хорошего.

— Ильич, дай объясню...

Винтовка медленно пошла в обратном направлении.

— Я не закончил. Сразу ты мне не понравился. Вот животная чуйка меня никогда не подводила. Еще когда два месяца назад тебя брали к нам, больно ушлым ты мне показался. В прошлом месяце кабаргу тоже ты подстрелил?

— Ильич, так я это...

— Только честно, по-мужски.

— Я ни тогда, ни сейчас не стрелял. Клянусь. Ту, месяц назад, кто-то подстрелил, но то не я был. И вот эту я не трогал. Она уже неделю хвораает.

— Врешь! А чей выстрел был?

— Клянусь, не я стрелял. Выстрел я тоже слышал. Но ты посмотри на нее: нет нигде у нее пулевого. У меня с собой только травмат. Кабаргу с большого расстояния можно с одного выстрела из травмата положить?

Ильич гневно сплюнул.

— Она неделю хромала. Ногу заднюю где-то сломала. А сейчас легла — и все, кирдык. Посмотри на ногу.

Нога и вправду была сломана в области копыта.

— И вот сегодня рано утром маячок перестал двигаться. Я сюда приехал, а кабарга уже лежит готовая.

Егерь посмотрел на животное взглядом, полным искреннего сочувствия.

— Ладно, но в ментовку точно поедешь.

— Ильич, не надо, пожалуйста. Я же никого не убиваю. Снимаю шкурки, струю беру только у тех, кто умер своей смертью. Оленину пару раз брал, а потом продавал. Я же не для себя это делаю.

Егерский карабин дернулся.

— Из-за дочки это! — выпалил Егор.

На пару секунд будто какая-то дымка заволокла сознание егеря, но он выдохнул, и вернулась прежняя ясность ума.

— Чего ты мечешься, как медведь в окладе? Говорю — сдам, значит, сдам.

Тут Егор, заплакав навзрыд, бросился Ильичу в ноги и затараторил:

— У меня дочь сильно болеет. Денег на лекарства и врачей не хватает. Ты сам знаешь, чего мы тут все получаем: шапка сухарей, а не зарплата. А я подумал, что хоть какие-то деньги для Лиды буду доставать. Она — все, что у меня есть. Сильно болеет. У нее порок сердца.

Нижняя губа егеря дернулась. Дымка вернулась. В этот раз отогнать ее стоило Ильичу больших усилий.

— Брешешь.

— Клянусь. Третья степень. Я на операцию коплю. Она в городе в больнице лежит.

Ильич раскатисто прокашлялся.

— И какие лекарства ей даете, когда приступы начинаются?

— Дигоксин, нитроглицерин, празозин, много еще всяких. По-разному.

— Не врешь, значит...

— С чего мне врать?

Егорь впервые за эту встречу опустил карабин дулом к земле и несколько обмяк.

— А чего раньше не говорил?

— А что тебе говорить-то? Ты слова лишнего порой не скажешь. Молчишь как сыч. За эти два месяца только пару раз спросил, как у меня дела, и то, наверное, ради приличия.

Потерев нос-картошку в задумчивости, Ильич подошел к прицепу Егора и резким движением продырявил ножом одно из задних колес. Егор хотел было что-то сказать, но сдержал порыв.

Ильич оставил Егора с кабаргой и безучастно побрел к машине. Вернувшись в узик, включил рацию.

— Миша, прием. Это Ильич. Все чисто. Ни души. Пора тебе квадрокоптер менять.

— Да на какие шиши? Понял, конец связи.

Выключив рацию, Ильич бесцеремонно кинул ее на пассажирское сиденье. Он опустил солнцезащитный козырек с приклеенной на него скотчем потертой фотографией мальчика лет шести-семи, очень похожего на Ильича. В правом нижнем углу черным фломастером была проведена косая линия.

Ильич долго рассматривал фотографию. Слезы проступили на глазах. Он стал жадно хватать воздух ртом, как будто спасаясь от удушья. Бормоча что-то бессвязное, егорь ткнулся головой в руль, пальцы сжали его до белизны.

Снова раздался выстрел. Ильич вздрогнул и оторвал голову от руля. Злобное рычание узика разнеслось по лесу.

